

Методология и теория	3	<i>Гусельцева М.С.</i> Рождение субъективности из духа человекознания
	16	<i>Знаков В.В.</i> Психологические условия понимания мира человека
	28	<i>Плющ А.Н.</i> Конструируемый текст идентичности
Психология и общество	39	<i>Юревич А.В.</i> Психологические аспекты старения
Возрастная и педагогическая психология	49	<i>Богомаз С.А., Ключко В.Е., Краснорядцева О.М., Подойницина М.А.</i> Стратегии самоосуществления у студенческой молодежи
	58	<i>Солдатова О.Д., Колесников И.Н.</i> Исследование особенностей эмоционально-волевой сферы молодых людей с наркотической зависимостью
	69	<i>Смирнова Е.О., Рябкова И.А.</i> Особенности принятия дошкольниками игровой роли в разных игровых средах
Тематические сообщения	78	<i>Крючков К.С., Орлов А.Б.</i> «Триада Роджерса»: качества личности или коммуникативные процессы?
	90	<i>Елфимова М.М.</i> Нарратив как инструментальное средство произвольного смыслообразования
	104	<i>Кубарев В.С.</i> Топология осознания жизненных смыслов
Научные обзоры	118	<i>Аристова И.Л., Есипенко Е.А., Шарафиева К.Р., Масленникова Е.П., Чипеева Н.А., Фекличева И.В., Солдатова Е.Л., Фенин А.Ю., Исмагуллина В.И., Малых С.Б., Ковас Ю.В.</i> Пространственные способности: структура и этиология
Экспериментальные исследования	127	<i>Каменев И.И., Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю.</i> Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников)
	138	<i>Волкова Н.Н., Гусев А.Н.</i> Как когнитивные стили влияют на точность и скорость обнаружения зрительного сигнала
	150	<i>Фомина К.А., Ковязина М.С.</i> Межанализаторное взаимодействие: вопрос операционализации понятия в российских исследованиях
	161	К юбилею Н.Н. Толстых
	163	Коротко о книгах
	167	Н.Ф. Тальзина
	169	Т.Г. Стефаненко
171	Календарь конференций	
172	Резюме на английском языке	

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОНИМАНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКА

В.В. ЗНАКОВ

Институт психологии РАН, Москва

Обосновано, что научные представления о трех реальностях (эмпирической, социокультурной и экзистенциальной) человеческого бытия, составляющих мир человека, постепенно расширяются и углубляются. Увеличиваются знания психологов не только о типах понимания мира, но и об его условиях. Проанализированы общие внутренние психологические условия, необходимые для понимания событий и ситуаций во всех реальностях мира человека, и специфические, относящиеся к указанным выше реальностям. Общие условия понимания (мнемическое и целевое), наличие которых необходимо во всех ситуациях познания и общения, дополняются специфическими, характерными для понимания каждой из реальностей. Такими внутренними психологическими условиями являются соответственно знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы. Знак указывает на предмет, но ничего в нем не изменяет. При понимании эмпирической реальности знаки представлены в психике понимающего субъекта в виде «познавательного знания» (Фуко, 2007). Оно отражает, но не преобразует: ничего не изменяет в познающем реальность субъекте, и он ничего не может извлечь из этого знания для собственного преобразования. Когнитивные символы дают субъекту возможность понять многообразие вариантов понимаемой социокультурной реальности. Когнитивный символ, как и знак, включает в себя отнесенность к предметному содержанию, но вместе с тем потенциально содержит многообразие смыслов. Когнитивный символ может указывать на разные объекты, но у понимающего субъекта не сформировано личностное отношение к ним. В отличие от когнитивного экзистенциальный символ выражает нечто субъективно значимое для человека. Экзистенциальный символ неисчерпаем и беспределен в своем значении, потому что обозначает что-то скрытое, тайное, нередко понимаемое людьми как сверхъестественное. Такой символ указывает на существование иной, не воспринимаемой органами чувств действительности.

Ключевые слова: понимающий субъект, общие и специфические условия понимания, знак, когнитивный символ, экзистенциальный символ.

В современной психологии исследования понимания событий и ситуаций человеческого бытия осуществляются на основе представлений о многомерности мира. В психологической науке идея многомерности реальностей человеческого бытия, пожалуй, наиболее ясно и точно выражена в экзистенциальном анализе, в котором исследуются три модуса мира: «Как мы уже говорили, экзистенциальные аналитики определяют три модуса мира, то есть три одновременно существующих аспекта мира, которые характеризуют бытие в мире каждого из нас. Первый модус — Umwelt, его буквальное значение “мир вокруг”; это биологический мир, который

в наше время обычно называют окружающей средой. Второй модус — Mitwelt, буквально “с миром”; это мир существ одного вида, мир близких нам людей. Третий модус — Eigenwelt, “свой мир”; это мир самости» (Мэй, 2004, с. 145). Модус Umwelt включает адаптацию и приспособление, но в нем отсутствует влияние (на погоду, высоту потолка в помещении и др.). В модусе Mitwelt наиболее значимой категорией является слово «взаимоотношения». Мир человека включает в себя смыслы и значения, которые возникают посредством взаимоотношений, взаимодействия субъектов. Eigenwelt, или собственный мир, — модус, который предполагает

осознание человеком себя. Это не просто субъективные внутренние переживания, а та основа, призма, сквозь которую мы рассматриваем мир. *Eigenwelt* выражает мое понимание того, что значит для меня что-то в этом мире — море, компьютер или другой человек. «Должно быть понятно, что эти три модуса мира всегда взаимосвязаны между собой и всегда обуславливают друг друга. Так, в каждый момент я существую в *Umwelt*, биологическом мире. Но то, как я отношусь к своей потребности во сне, к своему пребыванию на свежем воздухе или к любым другим инстинктам, какое значение я придаю всему этому, является существенным и обуславливает мое восприятие и сознание того или иного аспекта *Umwelt*. Люди живут одновременно как в *Mitwelt*, так и в *Eigenwelt*. Это отнюдь не три разных мира, а три синхронно существующих модуса мира» (Там же, с. 148–149). Когда психологи говорят о понимании человеком мира в целом и отдельных его ситуаций, событий и т.п., то они имеют в виду все три модуса — *Umwelt*, *Mitwelt*, *Eigenwelt*. В современной литературе по психологии понимания три модуса мира описываются как эмпирическая, социокультурная и экзистенциальная реальности.

Понимание субъектом мира неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной — мнение и смысл, в экзистенциальной — переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2014). Типология понимания в социогуманитарных науках проанализирована уже довольно основательно, в то время как условия возникновения и формирования этого психологического феномена изучены в значительно меньшей степени. Согласно

теории детерминизма психики С.Л. Рубинштейна, «внешние причины действуют через внутренние условия (которые сами формируются в результате внешних воздействий)» (Рубинштейн, 1957, с. 386). Применительно к психологии понимания сегодня актуальным является вопрос о том, что именно следует считать внутренними психологическими условиями обсуждаемого феномена. Иначе говоря, какие умственные операции, действия, переживания, опыт и т.п. обязательно должны реализоваться, чтобы субъект что-то понял.

Цель статьи — проанализировать общие внутренние психологические условия, необходимые для понимания событий и ситуаций во всех реальностях мира человека, и специфические, относящиеся к эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностям. Необходимо также указать, как психологические условия способствуют возникновению неодинаковых типов понимания субъектом разных областей практической деятельности.

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ПОНИМАНИЯ

Психологический феномен понимания неразрывно связан с мышлением субъекта, однако функции у них разные: мышление направлено на поиск новых знаний о мире, а понимание — на порождение смыслов этих знаний. Когда человек понимает что-то, в его психике реализуются, по меньшей мере, два общих для ситуаций познания и общения условия понимания.

Целевое (установочное) условие понимания формулируется так: человек обычно понимает только то, что соответствует его установкам, ожиданиям, целям. Если происходит событие, не соответствующее нашим прогнозам, ожиданиям, то обычно сначала оно не понимается. Для понимания нужно проделать дополнительную умственную работу, направленную на выяснение того, почему вопреки нашим нормативным представлениям событие

все-таки произошло. В 2017 г. такие непонятные сюрпризы преподносила нам погода, например, в первые дни лета в Москве выпал снег. Удовлетворительно понять причины этой аномалии могли только квалифицированные метеорологи, знающие карты прогноза погоды и способные делать расчеты. Целевое, установочное условие необходимо для понимания не только в индивидуальной, но и в совместной деятельности. При совместной работе каждый ее участник вынужден делать прогнозы, относящиеся как к предмету деятельности, так и к психологическим качествам, а также ценностно-смысловым позициям партнеров. Прогнозы включают антиципацию субъектом возможных ситуаций, в которые может оказаться включенным объект деятельности, сопоставление разных точек зрения на него; гипотезы об углах зрения партнеров на объект, модели их точек зрения; предположения каждого участника о знании предмета деятельности партнерами, их компетентности; прогноз отношения партнеров к объекту, значимости для них предмета деятельности, темы разговора и др.

Мнемическое условие: человек понимает только то, что он может соотнести со своими знаниями, что не противоречит его прошлому опыту: для понимания всегда нужны некоторые предварительные знания о понимаемом. В основании мнемического условия понимания лежат мыслительные операции и действия по обобщению, подведению частного под общее. Это особенно ясно видно при обсуждении проблем, связанных с пониманием мира. Что я имею в виду, когда говорю о понимании мира человека? Главным образом то, что мы понимаем что-то конкретное (ускорение, логарифм, брата и т.п.) только на основе осмысленного знания, понимания смысловой структуры мира, в котором живем. Каждый раз мы понимаем частное, потому что знаем общее. И это относится ко всем реальностям — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной.

Например, телезрителям, увидевшим телесюжет о медведе, каким-то образом зашедшем в один из универмагов в Хабаровске, было понятно, почему покупатели разбегаются в разные стороны. Понятно, потому что каждый из нас знает, как может быть опасен в такой ситуации дикий зверь. Мы понимаем метафорический смысл названия фильма «Унесенные ветром», потому что знаем, что такое ураган. Зимой нам понятно, почему человек обходит стороной дом, с крыши которого свисают сосульки. Мы знаем не только о силе тяжести, но и о том, какие трагические случаи возможны в подобных ситуациях. Наконец, если на консультацию к психологу приходит человек и жалуется на депрессию, то профессионал не спрашивает: «Что это такое?», а сразу думает о том, какие психотерапевтические приемы ему следует использовать для психологической помощи.

Таким образом, понимая каждый день множество конкретных событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую структуру общего, то по большому счету не важно, идет речь о понимании реальности в целом или ее составляющих — событий и ситуаций. Именно такой интерпретации конструкта «понимание мира человека» я буду придерживаться в статье.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОНИМАНИЯ

При понимании эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей внутренними психологическими условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы.

Внутренние условия понимания-знания — вербальные и образные знаки. В мире человека, в котором объекты и предметы, безусловно, существуют, обладают онтологическим статусом, мы не видим и не

понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности, вследствие переживания, трансформации, порождения опыта, конструирования новых знаний. В современной науке аксиомой является положение о том, что объективная действительность включает в себя сознание познающего ее субъекта. В эмпирической реальности человек имеет дело с онтологическими данностями, т.е. реально существующими объектами и предметами. Тогда какую роль в понимании эмпирической реальности играют сознание и психика понимающего мир субъекта? Эта роль, условно говоря, гносеологическая, связанная с различными точками зрения на объекты и предметы, а в науке – с разными теориями. Однако различные точки зрения строятся на общем фундаменте значений. По мнению А.А. Леонтьева, «действительность дана, презентирована в сознании каждого отдельного человека как означенная действительность, как объективная реальность, “переведенная” на язык значений. Значения суть форма идеального существования действительности...» (Леонтьев, 2001, с. 16). Предметные значения, воплощенные в «познавательном знании» (Фуко, 2007), являются и объектом понимания, и его способом, механизмом. Иначе говоря, значения, знания включают и «знать что» и «знать как». Психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается именно одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл. И это не удивительно: высказывание «Расстояние от Москвы до Парижа по прямой – 2487 километров, или 1544 мили» имеет для всех образованных людей одинаковое значение. Вместе с тем в нем потенциально не содержится личностного отношения, индивидуального смысла (для порождения смысла нужны дополнительные высказывания). Другое дело, что в

метрической и американо-британской мерах длины выражены неодинаковые значения, т.е. формы идеального существования действительности.

Одно из научных толкований значения заключается в его интерпретации как знака (Леонтьев, 2001). Знак, например дорожный, есть нечто конкретное, обладающее фиксированным значением (государственные флаги – знаки разных стран). Знак указывает на предмет, но ничего в нем не изменяет. При понимании эмпирической реальности знаки представлены в психике понимающего субъекта в виде «познавательного знания» (Фуко, 2007). Такое знание по большому счету всегда направлено на адекватное отражение эмпирической реальности. Оно отражает, но не преобразует: ничего не изменяет в познающем ее субъекте, и он ничего не может извлечь из него для собственного преобразования. Понятийная структура понимания-знания эмпирической реальности строится на знаках, но не включает символы. Внутренние условия понимания субъектом мира, конечно же, потенциально содержат предпосылки для оперирования понимающим субъектом как знаками, так и символами. Однако при понимании событий и ситуаций эмпирической реальности субъект оперирует только однозначными знаками (указателями на объекты и предметы) и знанием, которое может быть истинным или ложным (и потому для определения его истинности/ложности удовлетворительной оказывается корреспондентная теория истины). В коммуникации понимание-знание ее участниками эмпирической реальности основано на значениях, не предполагающих возможности различий в их интерпретации. Однозначность соответствует знаку и противоречит психологическому содержанию символа. Знак отсылает понимающего мир субъекта к чему-то конкретному и одновременно указывает на границы содержания понимаемого, за которые невозможно выйти

в процессе познавательной деятельности. «Ключ указывает на замок, для которого он сделан. Дверь указывает на то, что через нее можно пройти из одного помещения в другое. Печная труба на крыше избы указывает на то, что в этой избе должна находиться печь в условиях дровяного отопления. Все это является знаками стабильными, неподвижными, однообразными, не влияющими на человеческую волю и не зовущими к изменению действительности» (Лосев, 2014, с. 55).

Такую точку зрения на сущность знаков можно считать репрезентативной для современного социогуманитарного познания. С.В. Никоненко полагает, что «знаки необходимы исключительно в функциональном отношении для тех сфер, где требуется искусственно установленная однозначность и устранение разночтений» (Никоненко, 2016, с. 52). А.Н. Веракса считает, что в отличие от символов о знаках можно говорить тогда, когда отсутствует интерпретация, а следовательно, и множественность вариантов понимания (Веракса, 2016). Н.В. Кулагина отмечает, что «любой знак обычно обладает устойчивым значением и противится множественности его истолкований. Важнейшим условием функционирования знака является известное постоянство его понимания» (Кулагина, 2006, с. 4). Символы этими авторами рассматриваются как то, что предполагает и требует множественной интерпретации, эмоционального отклика и переживания понимаемого. Знаки необходимы исключительно в тех областях мира человека, в которых нужно искусственно задать однозначность и устранить множественность истолкований и разночтений в понимании событий и ситуаций. Например, по металлическим знакам на бамперах легковых автомобилей можно однозначно отличить «BMW» от «Toyota», «Nissan» от «Renault» и т.д. И наоборот: если каждый водитель, увидев дорожный знак «проезд запрещен», начнет искать его

возможные бесчисленные символические смыслы, то обстановка на дорогах быстро превратится в непредсказуемую.

Области практического применения понимания-знания. Сегодня понимание-знание, пожалуй, наиболее выпукло проявляется в «журналистике факта»: тогда, когда мы смотрим на мир человека как «общество информирования». В таком обществе очень значимыми становятся журналистские расследования, в результате которых обнаруживаются факты, до этого неизвестные большинству людей (Уотергейтское дело, «приключения» Б. Клинтона с М. Левински, неизвестные факты из жизни М. Касьянова, опубликованные «Новой газетой», и т.п.). В современном российском медиапространстве заметное место занимает интернет-газета «Медуза». «Спецификой журналистского расследования в интернет-издании можно по праву считать то, что материалы подобного рода публикуются в свободном режиме; текст отражает не только проблемы современного общества, но и затрагивает конфликты личности с социумом, о которых, пожалуй, многие другие издания стараются промолчать. Например, в статье под ироничным названием “У нас в колонии все хорошо” (от 03.12.2016 г.) рассказывается о пытках и издевательствах, которые становятся нормой для исправительных колоний России. Полем для журналистского расследования “Медузы” стали откровения нескольких заключенных, которые наедине с корреспондентом газеты рассказывают об ужасных насильственных действиях, произведенных в стенах тюрьмы. Важным для “Медузы” было показать проблему не только со стороны аналитического исследования документов и фактов, а услышать мнения самих участников, прочувствовать атмосферу личностной трагедии и понять, почему в России снизился показатель защиты осужденных через интервью с людьми, осведомленными в данной сфере» (Филиппова, 2017, с. 280).

Еще одна отличительная особенность общества информирования (оно сформировалось в середине прошлого века) проявилась в рекламном бизнесе. В рекламах товаров, например холодильников, подчеркивались качество продуктов, их техническое совершенство, надежность и долговечность. Понимание-знание рекламных объявлений отражало направленность рекламодателей на информированность покупателя, помогающую ему выбрать хороший товар по оптимальной цене. В целом в обществе информирования понимание-знание было направлено на действительность, которую люди воспринимали и представляли как внешнюю по отношению к себе.

Внутренние условия понимания-интерпретации – когнитивные символы. Понимание социокультурной реальности всегда предполагает множественность интерпретаций разных вариантов значения одного и того же объекта или предмета. Эти варианты могут отражать уже символическую, но пока еще когнитивную природу понимаемого. Почему когнитивную? Потому что такие символы основаны на соотношении не с одной, а со многими сторонами мира человека. При принятии решения в процессе познания субъект нередко должен выбрать только одну из множества альтернатив. Когнитивные символы дают субъекту возможность понять многообразие вариантов понимаемого. Когнитивный символ включает в себя знак, т.е. отнесенность к предметному содержанию, но вместе с тем потенциально содержит многообразие смыслов, потому что может указывать на разные объекты. В когнитивном символе содержится потенциальное множество предметов и объектов, которые он может обозначать (символом мира может быть любой голубь, символом работы человека в учреждении – пропуск и т.п.), но у понимающего субъекта не сформировано личностное отношение к ним. Позволю себе каламбур: фамилия Знаков является не знаком, а когнитивным символом,

потому что согласно социальным сетям у меня есть однофамильцы, которых я не знаю и к которым у меня нет эмоционально-ценностного отношения.

Когнитивные символы активно используются в герменевтике, в которой истоки понимания ищутся не столько в самом объекте понимания, сколько в том социальном, культурном, историческом контексте, в который он включен. Например, смысл любого произведения искусства считается понятным, если его удалось проинтерпретировать с позиций той культурно-исторической эпохи, среды, в которой оно создавалось. Герменевтикам фактически не интересен прямой смысл, буквальное значение исторического документа, художественного произведения или памятника культуры. Они рассматривают их как некие символы той эпохи, в которой последние создавались. Ключевым словом для представителей герменевтического направления является слово «символ». К примеру, один из наиболее известных и крупных мыслителей в этой области П. Рикёр развивает теорию двойственности смысла любого символа (Рикёр, 1995). С его точки зрения, например, тексты Тита Ливия или Тацита состоят из символов, которые должен уметь расшифровывать современный историк. Каждый символ имеет прямое, первичное, буквальное значение, обозначающее вполне конкретный фрагмент объективного мира. Вместе с тем символ одновременно имеет и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, – который может быть понят только через первичный. Иначе говоря, символ это как аллегория: обозначая одну вещь, он вместе с тем означает и другую. Например, всем известна аллегория правосудия – женщина с повязкой на глазах, чашами весов в одной руке и мечом в другой.

При оперировании когнитивными символами понимающий мир субъект имеет дело с разными ментальными пространствами, при этом понимание социаль-

ных ситуаций предполагает установление связей между ними. Например, в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера для описания событий и ситуаций используется конструкт «ментальное пространство», состоящее из концептуальных структур мыслящего субъекта. В процессе понимания, в частности, метафор их смысловая репрезентация возникает в психике понимающего субъекта в результате наложения нескольких ментальных пространств, объединяемых понятиями метафоры (Fausonnier, Turner, 2008). Теория ментальных пространств (mental spaces theory), разработанная Ж. Фоконье, впоследствии была развита М. Тернером. Методологическим основанием теории стала логика возможных миров (отмечу, что именно на этой логике строится психологическое содержание понимания-интерпретации разных фрагментов мира человека). Смысл предложения рассматривается как порождение возможного мира, в котором описанная ситуация воспринимается как реальность. Согласно теории, смысл любого предложения может быть порожден посредством анализа ментальных пространств понимающего мир субъекта. Ментальные пространства – это когнитивные структуры или сценарии, которые при чтении текста спонтанно и неосознанно актуализируются в уме рецепторов. Ж. Фоконье выделял ментальные пространства двух типов: пространства базы (они включают объекты, понятные всем собеседникам) и пространства-конструкторы, содержащие объекты, на основании которых люди могут порождать новые пространства. Именно такие пространства используются для выхода за рамки реальной действительности и стимулируют воображение, гипотезы, фантазии. А выход за непосредственные границы содержания понимаемого, интерпретация его в ином контексте соответствует одному из системообразующих признаков понимания многомерного мира человека (Знаков, 2014).

Области практического применения понимания-интерпретации. В самых разных областях современной жизни человеку нужно устанавливать связи между различными ментальными пространствами. Например, в журналистике актуальной является проблема различения реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации (Мохирева, 2012). Сообщения СМИ – это всегда проинтерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как все произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну “грань” события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определенной оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за “границей” текста, выпадают и из поля зрения реципиентов» (Там же, с. 116). Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространенном суждении: в политике реальность никому не нужна; главное то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту «кажущуюся реальность» творят СМИ).

В современном медиaprостранстве существует не только журналистика факта, но и журналистика мнений. Она наиболее эффективна при воздействии на аудиторию, интересующуюся аргументированным обоснованием разных точек зрения на события (присоединение Крыма к России – это аннексия или справедливое исторически оправданное воссоединение братских народов?). Особенно притягательной для читателя журналистика мнений оказывается тогда, когда факты неочевидны

или трудно интерпретируемы. Типичным в этом смысле является название одной из статей: «Что означает арест губернатора Н. Белых: рабочий процесс или сигнал элите». Белых не отрицал факта получения 400 тыс. евро, однако эти деньги были, как он утверждает, не взяткой, а внебюджетным финансированием развития г. Кирова. Какая версия соответствует действительности – предмет активных обсуждений в Интернете.

В контексте практики применения понимания-интерпретации уместно вспомнить и о том, что реклама стала рассматриваться как коммуникация, направленная на достижение взаимопонимания между продавцами и покупателями (Лебедев-Любимов, 2002). Интерпретация рекламных сообщений становится необходимой потому, что, согласно современной точке зрения, они не только информируют о товарах и услугах, но одновременно трансформируют их в образы сознания покупателей. Образы становятся неотделимыми от фактических сведений о качествах рекламируемого товара.

Внутренние условия понимания-постижения – экзистенциальные символы. В психологических механизмах понимания-постижения ключевую роль играют экзистенциальные символы. С психологической точки зрения, в отличие от когнитивного экзистенциальный символ выражает нечто субъективно значимое для человека. Например, для убежденного коммуниста памятники Ленину, в неисчислимом количестве до сих пор стоящие в разных населенных пунктах нашей страны, могут обладать экзистенциальным личностно значимым смыслом, в то время как представители других партий могут считать их безличным когнитивным символом. Различие между когнитивными и экзистенциальными символами восходит к античным мыслителям: «У Аристотеля символы понимаются как знаки, значение которых может быть легко угадано и узна-

но. У Платона символы воспринимаются как образы, содержание которых раскрыть непросто. Здесь в силу вступает интуиция или прозрение» (Спирова, 2011, с. 20).

Мы живем в мире, неотъемлемыми свойствами, объективными атрибутами которого являются познавательные и экзистенциальные тайны (Знаков, 2013). Присутствующие в экзистенциальном опыте людей тайны в культуре воплощаются в символах. Мировоззрение россиян всегда в значительной степени было символичным. Экзистенциальные тайны входят в содержание множества символов (веры, духовности, государственной власти и др.), имеющих в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. В самом полном и глубоком смысле «символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине... Символы несказанны и неизъяснимы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом» (Иванов, 1994, с. 141). Содержательная связь символов с тайнами неудивительна, потому что символ по своей сути – это знак, обозначающий что-то скрытое, тайное, нередко понимаемое людьми как сверхъестественное. Символ указывает на существование иной, не воспринимаемой органами чувств действительности, которую некоторые ученые называют «скрытой предметностью»: «Другими словами, мы можем говорить о продуктивности символа только тогда, когда его внешняя предметность постоянно соотносится со скрытой предметностью, т.е. с той реальностью, познавательным средством которой он выступает» (Веракса, 2016, с. 57).

Психологические исследования символов обнаруживают многослойность их

содержания, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью, направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности любого экзистенциального символа проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через разворачивание своей идентичности» (Федоров, 2012, с. 29). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолеть зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (Там же). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т.п.), но и целые социальные и мировоззренческие системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Для психологического анализа понимания важно то, что одной из причин постижения или, наоборот, непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение. Глубокий анализ незнания как составляющей понимания

символа дан в лекциях М.К. Мамардашвили об эстетике мышления. Он говорил о том, что «символы есть символы сознания, которые одновременно незнание. Это — со-знание. То есть мы в нем знаем что-то другое, не зная того, в чем мы это знаем. Как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет, но что это такое, мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть вот эту частицу “со-”, превратить в объект. Это и есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим сознание» (Мамардашвили, 2001, с. 53).

Области практического применения понимания-постижения. Общество информирования и потребления постепенно трансформировалось в «общество переживаний» — die Erlebnisgesellschaft (Schulze, 2005). Немецкое слово die Erlebnis переводится как событие, которое кто-то пережил и которое произвело на него сильное впечатление. Сегодня в мире человека, на всей планете, наблюдается стремление людей к получению нового и неожиданного эмоционального опыта, связанного с коллективными действиями и переживаниями. За примерами не нужно далеко ходить. Один из них — проходящие во всем мире флешмобы, заранее спланированные массовые акции, в которых большие группы людей появляются в общественных местах, выполняют заранее оговоренные действия и затем расходятся.

Изменилась идеология рекламы: от информирования о превосходных качествах товара к ее соответствию представлениям потребителя о лучшей прекрасной жизни. Например, объективно в Москве и других городах в отличие от сельской местности внедорожники не нужны, однако средства массовой информации заполнены сообщениями о приключениях отпрысков богатых родителей на «Гелендвагенах»... В обществе переживаний глав-

ным для людей становится такой проект прекрасной жизни, в котором преобладают субъективные ценности, внутренние ориентиры, направленные на переживание желаемого. В современном социогуманитарном познании представления о прекрасном в значительной степени утратили эстетический и этический смыслы. «Современники имеют склонность представлять себе прекрасное как самостоятельную реальность, не зависимую от добра и зла, тогда как для греков, напротив, применительно к людям, это слово обычно подразумевает нравственную ценность, например, в текстах Платона и Ксенофона, цитируемых М. Фуко» (Адо, 2005, с. 286). Сегодня прекрасное рассматривается скорее под аксиологическим углом зрения: это благо, к которому должен стремиться человек. В мировоззрениях людей все большую роль начинают играть ценности. Именно в ценностных представлениях воплощаются «проекты хорошей жизни», которые становятся целями достойного человеческого бытия. Показательным примером могут служить бурные дискуссии о реновации жилья в Москве, сносе хрущевок и переселении их жителей в новые дома. Дискуссии сделали явным тот факт, что для москвичей жилые здания — не просто квартиры, это некие ценности, которые сформировались у жильцов в прошлом и экстраполируются на будущее. Такие ценности воплощаются в бытовых деталях: окнах с видом на парк, близости друзей и давних приятных соседей и т.п.

Сегодня происходит трансформация подходов к познанию и пониманию реальности в современной журналистике: на смену рационалистическим установкам журналистского творчества приходят ментальные конструкции, основанные на личностном знании (Мансурова, 2014). Например, 29 сентября 2017 г. на «Эхе Москвы» об этом говорил писатель и журналист Д. Быков: «Профессиональный

журналист для меня всегда одно и то же: это человек, который не столько доносит информацию, сколько транслирует свое отношение к происходящему. Это так в России, но это так и в мире — не будем от этого прятаться. Информацию саму по себе может донести и робот, ее может донести прямое включение, это вообще техническая задача. А вот раньше вас сформулировать то, что думает человек при известии о событии, это важно. Не потому, что вы из газеты узнаете, что вам думать, а потому, что журналистика формулирует, находит идеальную форму, находит правильные слова. Она делает примерно то же, что поэзия, только поэзия это делает для каких-то душевных состояний, а журналистика для той концентрированной общественной нравственности, которая выражается в политике. Ведь политика это не что иное, как наглядный концентрат общественной морали. Для меня профессиональный журналист это человек, который хорошо думает» (см.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-4No6RwB84Y>).

Журналистские тексты о социальных событиях становятся все более человекоцентрированными, в них появляется все больше описаний переживаний, чувств, рефлексии и личного опыта людей. Доступность источников информации отодвинула на второй план необходимость журналистских расследований, освободила журналистов от утомительных командировок и поисков данных. «На полосы газет и журналов, на сайты престижных СМИ хлынули потоки откровений, полных чувств и удивлений» (Мансурова, 2014, с. 154). В наше время Интернет заполнен гипертекстами по любому поводу, читателю легче согласиться с каким-либо пусть даже субъективным утверждением, чем позволить убедить себя строгой логикой и аргументацией. «Информация в коммуникационной системе уже доступна и интертекстуальна (вспомним вал публикаций

о виновности/невиновности в коррупции губернатора Н. Белых. — В.З.), журналисту достаточно лишь сослаться на какой-либо факт, намекнуть, процитировать известную фразу, чтобы стать социальным “навигатором” и реализовать функцию выявления социального смысла в приемлемой форме» (Там же, с. 156). Все чаще суть отражаемой реальности преломляется сквозь призму личной позиции журналиста, который отказывается от прямых оценок и решений проблемы. В журналистике доминирующим стало суждение о том, что люди имеют дело не столько с фактами, сколько с предметами их интереса. В результате «объективность и беспристрастность журналистского воспроизведения реальности, еще недавно ценимые как качество адекватности творческого процесса, однозначно уступили социальным и аксиологическим аспектам его результатов. На смену традициям рационализма, положенным в основу журналистского метода постижения жизни, пришло “личностное знание”» (Там же, с. 155). Возникает дискурс сопереживания, в котором решающую роль играют не познание, а постижение, эмоциональная сопричастность и личностная включенность. Неудивительно, что такая журналистика апеллирует не к познанию, а к пониманию-постижению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научные представления о трех реальностях человеческого бытия, составляющих мир человека, постепенно расширяются и углубляются. Соответственно увеличиваются знания психологов не только о типах понимания мира, но и об его условиях. Общие условия понимания (мнемическое и целевое), наличие которых необходимо во всех ситуациях познания и общения, дополняются специфическими, характерными для понимания эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Прделанный

анализ показал, что такими внутренними психологическими условиями являются соответственно знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы. Исследования условий понимания имеют не только научное значение, они способствуют возникновению разных типов понимания субъектом областей практической деятельности. Перспективность дальнейшего академического изучения условий понимания и их применения на практике у меня не вызывает сомнения.

1. *Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.: СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005.
2. *Быков Д.* Один 29 сентября 2017 на Эхо Москвы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-4N06RwB84Y>
3. *Веракса А.Н.* Символ и знак: диалектика символического познания // *Вопр. филос.* 2016. № 1. С. 51–58.
4. *Знаков В.В.* Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта // *Психол. исслед.: электрон. науч. журн.* 2013. Т. 6. № 31. С. 1. URL: <http://psystudy.ru>
5. *Знаков В.В.* Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // *Вопр. психол.* 2014. № 4. С. 16–29.
6. *Иванов В.И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
7. *Кулагина Н.В.* Символ и символическое сознание // *Культурно-историч. психол.* 2006. № 1. С. 3–10.
8. *Лебедев-Любимов А.Н.* Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
9. *Леонтьев А.А.* Значение и смысл // *Мир психологии.* 2001. № 2 (26). С. 13–20.
10. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Русский Мир, 2014.
11. *Мамардашвили М.К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
12. *Мансурова В.Д.* «Личностное знание» журналиста в проекции его рациональной субъективности // *Вестн. Томского гос. ун-та. Филология.* 2014. № 5 (31). С. 153–160.
13. *Мохирева С.В.* Реальное событие и вербальный факт в текстах российских СМИ // *Журналистский ежегодник.* 2012. № 1. С. 114–117.
14. *Мэй Р.* Открытие Бытия. М.: Ин-т общегуманитарных исслед., 2004.
15. *Никоненко С.В.* К вопросу о соотношении символа и знака // *Вестн. СПбГУ. Сер. 17. Филосо-*

- фия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 47–53.
16. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
 17. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
 18. *Спирова Э.М.* Символ как понятие философской антропологии: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М.: Ин-т философии РАН, 2011.
 19. *Сухачев В.Ю.* История без субъекта // Метафизические исследования. Вып. 3. История. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Алетейя, 1997. С. 28–42.
 20. *Федоров Н.А.* Психологические потенциалы символа // Вестн. Омского ун-та. Сер. «Психология». 2012. № 1. С. 24–30.
 21. *Филиппова А.В.* Журналистское расследование в современной газетной прессе: трансформации, проблематика, воздействие на аудиторию // NovaInfo.Ru. 2017. № 58. С. 279–282.
 22. *Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
 23. *Fauconnier G., Turner M.* Rethinking Metaphor // Gibbs R.W. (ed.). Cambridge handbook of metaphor and thought. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 53–66.
 24. *Schulze G.* Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt/Main; N.Y.: Campus Verlag, 2005.
 7. *Kulagina N.V.* Simvol i simvolicheskoye soznaniye // Kulturno-istoricheskaya psikhologiya. 2006. N 1. S. 3–10.
 8. *Lebedev-Lyubimov A.N.* Psikhologiya reklamy. SPb.: Piter, 2002.
 9. *Leontyev A.A.* Znacheniyе i smysl // Mir psikhologii. 2001. N 2 (26). S. 13–20.
 10. *Losev A.F.* Problema simvola i realistichekoye iskusstvo. M.: Russkiy Mip. 2014.
 11. *Mamardashvili M.K.* Estetika myshleniya. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001.
 12. *Mansurova V.D.* «Lichnostnoye znaniye» zhurnalista v proyektсии ego ratsionalnoy subyektivnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2014. N 5 (31). S. 153–160.
 13. *Mokhireva S.V.* Realnoye sobytiye i verbalnyy fakt v tekstakh rossiyskikh SMI // Zhurnalistskiy ezhegodnik. 2012. N 1. S. 114–117.
 14. *Mey R.* Otkrytiye Bytiya. M.: Institut Obschegumanitarnykh Issledovaniy. 2004.
 15. *Nikonenko S.V.* K voprosu o sootnoshenii simvola i znaka // Vestnik SPbGU. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kulturologiya. Religiovedeniye. 2016. Vyp. 3. S. 47–53.
 16. *Rikour P.* Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike. M.: Medium, 1995.
 17. *Rubinstein S.L.* Bytiye i soznaniye: O meste psikhicheskogo vo vseobshchey vzaimosvyazi yavleniy materialnogo mira. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1957.
 18. *Spirova E.M.* Simvol kak ponyatiye filosofskoy antropologii: Avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk. M.: In-t filosofii RAN, 2011.
 19. *Sukhachev V.Yu.* Istoriya bez subyekta // Metafizicheskiye issledovaniya. Vypusk 3. Is-toriya. Almanakh Laboratorii Metafizicheskikh Issledovaniy pri filosofskom fakultete Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. SPb.: Aleteyya, 1997. S. 28–42.
 20. *Fedorov N.A.* Psikhologicheskkiye potentsialy simvola // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya». 2012. N 1. S. 24–30.
 21. *Filippova A.V.* Zhurnalistskoe rassledovanie v sovremennoy gazetnoy presse: transformatsii, problematika, vozdeystviye na auditoriyu // NovaInfo.Ru. 2017. N 58. S. 279–282.
 22. *Foucault M.* Germenevtika subyekta: Kurs lektsiy. pročitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2007.

References in Russian:

1. *Ado P.* Dukhovnyye uprazhneniya i antichnaya filosofiya. M.; SPb.: Stepnoy veter; ID «Kolo». 2005.
2. *Bykov D.* Odin 29 senttiabrya na Ekho Moskv. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-4No6RwB84Y>
3. *Veraksa A.N.* Simvol i znak: dialektika simvolicheskogo poznaniya // Voprosy filosofii. 2016. N 1. S. 51–58.
4. *Znakov V.V.* Nepostizhimoye i tayna kak atributy ekzistentsialnogo opyta // Psikhologicheskkiye issledovaniya. 2013. T. 6. N 31. S. 1. URL: <http://psystudy.ru>
5. *Znakov V.V.* Teoreticheskiye osnovaniya psikhologii ponimaniya mnogomernogo mira cheloveka // Voprosy psikhologii. 2014. N 4. S. 16–29.
6. *Ivanov V.I.* Rodnoye i vselenskoye. M.: Respublika, 1994.

Поступила в редакцию 17. X 2017 г.

cific realities. General understanding conditions (mnemonic and specifically targeted), which are essential to all situations of cognition and communication, are complemented by specific conditions characteristic of understanding each of the realities. Signs, cognitive and existential symbols are the inner psychological conditions. The sign indicates an object, but does not change it. While understanding empirical reality signs are represented in the mind of the understanding person as “cognitive knowledge” (Foucault, 2007). It reflects, but does not transform, does not cause any changes in the cognizing subject, and there is nothing the subject can extract from it for his own transformation.

Cognitive symbols enable the subject to understand diversity of aspects of the social cultural reality the subject strives to understand. The cognitive symbol, as well as the sign, relates to the object content, but potentially contains a diversity of meanings. The cognitive symbol may point to various objects, but the understanding subject has no personal attitude to them. Unlike the cognitive, the existential symbol expresses something subjectively meaningful. The existential symbol is limitless and inexhaustible in its meaning because it signifies something hidden, secret, often viewed as supernatural. This symbol indicates another reality, not perceived by human senses.

Key words: understanding subject, general and specific understanding conditions, sign, cognitive symbol, existential symbol.

Psychological conditions for understanding the world of man

V.V. Znakov

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The author argues that the scientific notions of three realities (empirical, social cultural and existential) of human existence, constructing the world of man, are being gradually broadened and deepened as psychologists discover more about not only types of understanding the world, but about its conditions.

The author analyzes general inner psychological conditions necessary for understanding events and situations in all realities of the human world, and also specific ones pertaining to spe-